

С.Т. Семенов

Крестьянские рассказы

**С предисловием графа Льва
Николаевича Толстого**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.Т. Семенов**
Крестьянские рассказы: С предисловием графа Льва Николаевича Толстого /
С.Т. Семенов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 672 с.

ISBN 978-5-517-97873-8

ISBN 978-5-517-97873-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Все это рассказано такъ, что всякій разъ, читая этотъ рассказъ, я чувствую, что авторъ не только желалъ бы, но и навѣрное поступилъ бы такъ же въ такомъ же случаѣ, и чувство его заражаетъ меня и мнѣ пріятно и кажется, что я сдѣлалъ или готовъ былъ сдѣлать что-то доброе.

Искренность — главное достоинство Семенова. Но кромѣ нея у него и содержаніе всегда значительно: значительно и потому, что оно касается самаго значительнаго сословія Россіи,— крестьянства, которое Семеновъ знаетъ, какъ можетъ знать его только крестьянинъ, живущій самъ деревенской тягловою жизнью. Значительно еще содержаніе его рассказовъ потому, что во всѣхъ главный интересъ ихъ не во внѣшнихъ событіяхъ, не въ особенностяхъ быта, а въ приближеніи или въ отдаленіи людей отъ идеала христіанской истины, который твердо и ясно стоитъ въ душѣ автора и служитъ ему вѣрнымъ мѣриломъ и оцѣнкой достоинства и значительности людскихъ поступковъ.

Форма рассказовъ совершенно соотвѣтствуетъ содержанію: она серьезна, проста, подробности всегда вѣрны: нѣтъ фальшивыхъ нотъ. Въ особенности же хорошъ, часто совершенно новый по выраженіямъ, но всегда безыскусственный и поразительно сильный и образный языкъ, которымъ говорятъ лица рассказовъ.

Левъ Толстой.

Хорошее житье.

I.

Алексѣй былъ старшій сынъ Петра Акимова. Второго сына Петра звали Степанъ. Тотъ былъ совсѣмъ не то, что Алексѣй. Молчаливый и необщительный, онъ любилъ больше уединеніе, на улицу въ праздники показывался мало, или дома сидѣлъ или уходилъ въ лѣсъ, на рѣку. Алексѣй же былъ совсѣмъ другимъ. Онъ былъ красивый, шустрый, разбитной, гдѣ на дѣлѣ не дойдетъ, на словахъ доскажетъ. Всегда и все у него выходило складно. Его и въ деревнѣ любили больше, чѣмъ Степана, и родительское сердце къ нему ближе лежало.

Когда Алексѣю исполнилось 19 лѣтъ, вышло засушливое лѣто. Мало собрали травы, еще меньше хлѣба. Круто приходилось всему селу, не легче было и Петру Акимову. Надѣла у него было на двѣ души, а ѣдоковъ четверо, и ѣдоки все хорошіе. Ребята за столъ сядутъ, хлѣба только подавай, а хлѣба собрали всего ничего, съ уборкой покончили въ этотъ годъ рано. Еще до Покрова и ленъ смяли и дровъ навозили. Разобрался Петръ съ скотиной: которую продалъ, которую зарѣзалъ, и осталось совсѣмъ нечего дѣлать.

Одинъ разъ Петръ Акимовъ говоритъ женѣ:

— А дѣла-то, старуха, не хвали.

— А что?

— Работать-то все переработали, а къ веснѣ, пожалуй, придется, что въ обѣдъ въ лѣвую руку-то нечего будетъ брать.

— Что жъ теперь подѣлаешь, не отъ самихъ вѣдь?

— Знамо дѣло, я про это не говорю... Я все думаю, какъ лучше...

— Какъ же теперь лучше быть?

— Не сбыть ли намъ на зиму одного парня съ рукъ... Отошлемъ въ городъ, проживеть до весны, добудетъ, что добудетъ, да дома хлѣба не ѣсть, все выгода.

Старуха вздохнула.

— Много тамъ набито-то будетъ, не мы одни пошлемъ, чай, съ голодухи-то двинутся.

— У меня тамъ пріятель одинъ есть. Онъ постоянно живетъ—плотничаетъ... знакомство у него большое, попрошу его, авось куда-нибудь устроить.

— Что жъ, попытать не мѣшаетъ, только кого послать-то.

— Я думаю Степку.

Старуха удивилась.

— Отчего же Степку, а ежели Алешку?

— Боюсь я за Алешку, не скружился бы онъ тамъ: больно онъ до гульбы-го охотникъ, а Степка-то постепеннѣе.

— Въ чужихъ людяхъ не у себя дома, не разгуляешься... А онъ все-таки изъ себя повиднѣй, ему легче всякое дѣло дадутъ; опять пріостанови-ка его, люди говорить будутъ: что это старшаго не послалъ, аль онъ у нихъ подъ замѣткой! Выйдетъ покоръ, а намъ на него покора класть нечего... Онъ у насъ женихъ, не нонѣ, на новъ годъ невѣсту нужно будетъ сватать...

Петръ былъ мужикъ мягкій, податливый, онъ взялъ въ голову слова старухи и проговорилъ:

— Ну, что жъ Алешку, такъ Алешку, пошлемъ его.

И сталъ Петръ собирать сына: велѣлъ харчей да рубашекъ на дорогу готовить, а паспортъ выправилъ ему полугодовой, написалъ письмо пріятелю, чтобы онъ объ Алексѣѣ похлопоталъ. Собрали совѣмъ Алексѣя, и говорить ему старикъ:

— Ну, сынокъ, иди съ Богомъ; поживи на чужой сторонѣ, попроси Кириллу Петрова: онъ тебя все куда-нибудь при-

стронгъ. Да нанмайся куда поскорѣе, лишь бы на дѣло стать, и плохое дѣло лучше хорошаго бездѣлья. Проживешь до Миколы Вешняго, домой прїѣзжай. Ступай съ Богомъ!

Простился Алексѣй съ родителями и поѣхалъ.

II.

Прїѣхалъ Алексѣй въ городъ, разыскалъ, какъ отецъ сказалъ, Кириллу Петрова. Кириллъ былъ человѣкъ вдовый, пожилой. Жилъ онъ одинъ въ маленькой квартирѣ; работалъ по знакомымъ домамъ по плотницкой части. Купцы его уважали за честность, и работы у Кириллы было вдоволь.

Зашелъ къ нему Алексѣй, сказалъ, что онъ сынъ Петра Акимова. Обрадовался Кирилла, сталъ спрашивать, какъ они живутъ дома и зачѣмъ Алексѣй въ городъ попалъ.

— Да вотъ, дядюшка, жить пришелъ,—сказалъ Алексѣй.— Вотъ кабы ты мнѣ мѣстечко поискалъ?

— Мѣстечко! Какое же тебѣ мѣстечко?—спросилъ Кирилла.

— Какое-нибудь, все равно? Мнѣ ужъ не до хорошаго.

— Ладно, похлопочу... Ты поживи пока у меня.

На другой день сходилъ Кирилла въ одинъ знакомый магазинъ и попросилъ насчетъ Алексѣя. Купецъ велѣлъ привести парня.

Вернулся Кирилла домой.

— Пойдемъ!—говоритъ Алексѣю.—Можетъ, придѣлишься!

Пришли. Осмотрѣлъ купецъ Алексѣя и спросилъ:

— Раньше-то ты гдѣ жилъ, молодецъ?

— Нигдѣ не жилъ, ваше степенство! — бойко отвѣтилъ купцу Алексѣй.

— Нуженъ мнѣ швейцаръ въ магазинъ. Не знаю, сможешь ли ты?

— Отчего же не сможетъ?—вступился Кирилла.—Парень разбитной, даромъ что изъ деревни.

— Ну, ладно, оставайся,—сказалъ купецъ.—Давай паспортъ.

Отдать Алексѣй паспортъ, а самъ пошелъ къ Кириллѣ за вещами.

— Вотъ тебѣ и мѣсто,—сказалъ Кирилла дорогой.—Живи. Только, смотри, меня не оконфузь: хозяинъ хорошій.

— Что ты, дядя Кирилла? Ужели жъ я не постараюсь?

— Ну, то-то!

Взялъ Алексѣй свои вещи, простился съ Кириллою, поблагодарилъ его за хлопоты и пошелъ на мѣсто.

Прожилъ Алексѣй на мѣстѣ недѣлю; сталъ привыкать и видить, что житье тутъ хорошее. Хоть жалованье неизвѣстно, за то работа небольшая: только и дѣла, что утромъ встать да магазинъ выместъ; а потомъ, когда придуть приказчики, у двери стоять, отворять да затворять, если кто идетъ. Случится еще иногда товаръ покупателю вынести на извозчика; такъ это не даромъ—на чай за это даютъ, кто гривенникъ, а кто и больше. И еще хорошо тѣмъ Алексѣю, что обувь и одежда у него хозяйскія. Какъ пришелъ онъ, такъ и одѣли его въ коротенькій казакинчикъ суконный, дали шаровары плисовые да сапоги опойковые. Одѣлся онъ такъ первый разъ и себя не узналъ: никогда ему не приходилось такой одежды носить. И харчи у нихъ велись хорошіе: утромъ чай съ булками, за обѣдомъ—щи съ говядиной, по праздникамъ—лапша, картошка жареная съ телятиной, въ ужинъ то же.

III.

Прожилъ мѣсяцъ Алексѣй, спросилъ жалованье у хозяина, выдалъ ему хозяинъ 15 рублей. Обрадовался несказанно Алексѣй, не ждалъ онъ этого; онъ думалъ—если бы положилъ пять рублей и то хорошо; а тутъ—15 рублей!..

Сталъ онъ стараться хозяину заслуживать. За его щедрость нѣтъ, нѣтъ, да и скажетъ что-нибудь про приказчика какого или рабочаго; а хозяину это нравилось, и сталъ онъ всячески отличать Алексѣя: то ласковое слово кинетъ, то на чай дастъ.

Началь Алексѣй съ городской жизнью знакомиться, какъ тутъ живутъ разузнавать. Сталь послѣ занора магазина въ трактиръ похаживать. Посидить часочекъ, машину послушать, на народъ поглядить, да и спать поидеть.

Быль у нихъ при магазинѣ рабочій, Антономъ звали. Парень бѣдовый. Подружился съ нимъ Алексѣй, и начали они вмѣстѣ по трактирамъ ходить. Какъ запрутъ магазинъ, они и пойдутъ вмѣстѣ. Сходятъ въ одинъ трактиръ, сходятъ въ другой, разгуляются. И потянуло Алексѣя къ разгулу. Сталь онъ пиво попивать и къ водочкѣ привыкать.

Одинъ разъ 1-го числа получили они жалованье и сговорились вспрыснуть его. Выбралъ Антонъ одинъ изъ трактировъ повеселѣе и повелъ туда Алексѣя. Пришли они въ заведенье, сѣли за столъ и начали людей разсматривать.

И видятъ они, что народу много въ трактирѣ, и шумъ стоитъ невообразимый: машина играетъ, пѣсни поютъ. Сидятъ посѣтители съ раскраснѣвшими лицами, — навеселѣе видно. Между народомъ дѣвки какія-то ходятъ: разряженные, лицомъ несвѣжія, набѣленные, нарумяненные. Ходятъ, папироски курятъ, съ гостями зубоскальничаютъ. Посмотрѣлъ на нихъ Алексѣй и спрашиваетъ у товарища:

— Что это, Антонъ, за барышни?

— Какія? Эти-то?—говоритъ Антонъ и самъ смѣется.— Это барышни хорошія. Хочешь познакомиться?

— Что ты!.. Я такъ спросилъ.

— Ну, не отлынивай. А самому, чай, страхъ какъ хочется?

— Нѣтъ, я такъ...—замаялся Алексѣй.

— Будетъ притворяться-то. Вижу. Эй, ты, мамзель, подька сюда!—сказаль Антонъ одной изъ дѣвокъ и схватилъ ее за платье.

— Что тебѣ?—спросила дѣвка.

— Садись съ нами за компанію.

— Отчего же, извольте! Только что же такъ-то, за пустымъ столомъ?

— Ну, вотъ! А ты садись! Тамъ увидимъ: деньги у насъ есть. За угощеніемъ не постоимъ.

Дѣвка сѣла. Сильно сконфузился Алексѣй: не знаетъ, куда глядѣть, что дѣлать.

— Что жъ, голова, полбутылочки, что ли?—спросилъ его Антонъ.

— Ну, что жъ, давай.

Антонъ заказалъ. Попросила дѣвка у Алексѣя папироску. Смутился Алексѣй, не знаетъ, что отвѣтить ей. Смѣется Антонъ:

— Ишь, у него спрашиваетъ: онъ у насъ монахомъ живетъ, не куритъ.

— А, вотъ какъ! Значитъ старовѣръ?

Покраснѣлъ Алексѣй.

— Нѣтъ, — говоритъ, — что вы? Какой я старовѣръ? Я такъ...

— Такъ почему же не курите?

— Да такъ, не пріучился.

— Ну, такъ поучиться надобно. Возьмите-ка десятокъ папиросъ и меня угостите.

Спросилъ Алексѣй пачку папиросъ, открылъ ее, предложилъ дѣвкѣ и самъ закурилъ.

— Вотъ такъ-то лучше, — сказала дѣвка и подмигнула Антону. — Мы васъ всему обучимъ.

Ободрился немного Алексѣй, сталъ посмѣлѣе. Вскорѣ подали водки, и начали они выпивать. Черезъ полчаса на столѣ стояло еще полбутылки водки и съ полдюжины пива. Антонъ пригласилъ еще одну дѣвку. А первая подсѣла ближе къ Алексѣю и стала подсмѣиваться надъ его стыдливостью, частенько приговаривая:

— Мы васъ отъ деревенщины отучимъ.

Захмелѣлъ Алексѣй, разошелся.

Немного спустя, Антонъ и говорить:

— Ну, будетъ, кончайте, да пора итти. А ты, Алеша, вотъ, знай, расплачивайся.

Расплатился Алексѣй и пошелъ за товарищемъ. И дѣвки пошли за ними.

И въ ту ночь дѣйствительно отучился Алексѣй отъ деревенщины.

IV

На другой день утромъ пришли Алексѣй и Антонъ домой къ 7 часамъ. На это никто не обратилъ вниманія, и они оба занялись попрежнему своими дѣлами.

Съ удовольствіемъ вспоминалъ Алексѣй прошлую ночь, и съ этихъ поръ сталъ стараться почаще проводить такъ время. Денегъ на это у него доставало. Хозяинъ не обращалъ вниманія на поведеніе своихъ служащихъ, лишь бы они являлись на дѣло во-время. Времени тоже у Алексѣя свободнаго было много. Такъ пошли дни за днями. Алексѣй втягивался въ разгуль. Забота о домѣ забылась, позабылась и честная деревенская жизнь.

Прошла зима, наступила Пасха. На праздникъ хозяинъ подарилъ Алексѣю три рубля. Приложилъ ихъ Алексѣй къ оставшемуся жалованью, что получилъ за зиму—оказалось всѣхъ денегъ 23 рубля. Домой онъ послалъ всего 10 рублей, остальные прогулялъ съ дѣвками.

Вспомнилъ Алексѣй, что черезъ мѣсяць домой ѣхать нужно, задумался. Привыкъ онъ уже къ легкой работѣ и веселой жизни и не особенно радовался отъѣзду на родину. Остался бы онъ тутъ еще пожить, да та бѣда — паспортъ выходить.

Прошелъ еще мѣсяць. Осталась одна недѣля до Миколы. Дѣлать нечего, нужно домой ѣхать. Взялъ расчетъ Алексѣй, простился съ хозяиномъ и съ рабочими, зашелъ къ Кириллѣ Петрову, поблагодарилъ его за всѣ одолженія и пошелъ на вокзалъ.

Антонъ пошелъ провожать его. Пріятели завернули на прощанье въ трактиръ, выпили водочки и разговорились.

— Другъ Антоша,—говоритъ Алексѣй,—очень ужъ мнѣ неохота въ деревню ѣхать.

— Что такъ?

— Да самъ, небось, знаешь, что тамъ за жизнь: работай какъ волъ, а погулять негдѣ. Опять во всемъ недостатки. Развѣ здѣсь-то такъ?

— Конечно, здѣсь не такъ. Куда противъ здѣшней жизни деревенская годится?

— Эхъ, кабы не отецъ, ни въ жизнь не разстался бы я съ городомъ! Кажись, весь вѣкъ прожилъ бы здѣсь.

— А что жъ отецъ-то?..

— Что отецъ? Развѣ онъ отпуститъ? Это теперь отпустилъ, потому хлѣба не уродилось. А коли урожай будетъ, то и живи вѣкъ въ деревнѣ, небо конти.

— Да, тутъ хорошаго мало.

— Какое хорошее! Горе одно.

— Ну, что жъ дѣлать? Судьба твоя, знать, такая.

— Знамо, судьба... Эхъ-ма!.. Давай-ка выпьемъ еще напосядяхъ, да и распрощаемся.

— Давай.

Выпили еще пріятели и разстались. Антонъ домой пошелъ, Алексѣй—на чугунку.

V

Пріѣхалъ Алексѣй домой, привезъ родителямъ гостинцевъ: отцу денегъ 15 р., матери платокъ, а Степану жилетку. И началъ Алексѣй опять работать попрежнему. Только ужъ не съ такой охотою, какъ раньше: не лежало уже у него сердце къ мужицкой работѣ.

Видитъ старикъ, что сынъ много перемѣнился послѣ городской-то жизни: и не съ охотою за дѣло принимается, и на фду не такъ напираетъ, и изъ лица перемѣнился за двѣ недѣли, — такъ исхудалъ, что не узнаешь. И догадался, что тоскуетъ онъ по городѣ. Сталъ онъ говорить ему:

— Ты бы, Алешка, отвыкалъ отъ городского-то да старался бы работать, какъ прежде. А то что ты дѣлаешь-то. Глаза бы не глядѣли!

— Что жъ я сдѣлаю, когда не клеится?—отвѣтилъ угрюмо Алексѣй.

— Вотъ то-то и есть! — вздохнувъ сказалъ Петръ Аки-